

Илья ШТЕЙНБЕРГ

Психология неэквивалентных обменов в сетях социальной поддержки городских и сельских семей

Можно ли СНГ назвать "Сетью независимых государств"? До середины прошлого века отечественные гуманитарные науки, описывая особенности отношений между отдельными людьми или социальными группами, как-то обходились без понятия "сеть", "сетевые отношения", "сетевые ресурсы". В ходу были другие понятия: "союз", "объединение", "круг общения", "формальные и неформальные отношения", "деловые и эмоциональные контакты", "блат" и т.п. В конце 1990-х годов вместе с бурным развитием сетей Интернета (совпадение?) столь же стремительно начало развиваться "сетевое" описание социальных систем в общественных науках. Коллективы, организации и все другие социальные институты попали в "сетевые" отношения и связи. Стало трудно понять, что конкретно исследователи имеют в виду под термином "сеть": деловые отношения между бизнесменами и их фирмами, взаимодействие общественных организаций или помощь семей друг другу.

Если вспомнить историю появления этого термина применительно к социальным институтам, то "сетевое" представление о сложных социальных системах множества элементов, образующих своими отношениями и связями некое единство, появилось на Западе в 70-х годах XX в. Тогда это понятие применялось в основном в целях обратить внимание на значение неформальных отношений в организациях, на рост сектора неформальной экономики в Европе и Латинской Америке. Так, исследователи экономики стран третьего мира указывали, что в стратегиях выживания семей огромную роль играют родственные и дружеские "сети", оказывающие членам семьи помощь в поисках работы и поддержку в случае чрезвычайных обстоятельств¹.

В отечественной научной литературе в начале 1990-х годов "сети" упоминаются в исследованиях экономического поведения бизнесменов, изучении особенностей адаптации городских и сельских семей к условиям рыночной экономики. Неформальные деловые сети, например, определяются как "устойчивые и относительно

замкнутые совокупности связей между постоянными партнерами"¹, сочетающие в себе формальный контроль и неформальный обмен услугами. В исследованиях экономического поведения сельской семьи в середине 1990-х годов также появляются описания сетей социальной поддержки, которые призваны компенсировать недостатки государственной социальной защиты населения и сгладить последствия экономического и политического кризиса². Именно этому типу "сетей" будет в основном посвящена данная статья.

Что мы называем социальной сетью? Довольно трудно дать общее, универсальное определение социальной сети в отрыве от контекста ее образования. Например, в конкретных социологических исследованиях рабочие определения сетей, как правило, сопровождаются указаниями их принадлежности к конкретной социальной группе или к определенному виду отношений: дружеские, партнерские, деловые, клиентские и т.п.

Цель статьи — попытка обратить внимание читателя на феномен неэквивалентного обмена в сетях социальной поддержки семьи, под которой мы будем понимать *особый род неформального социального института, спонтанно возникшего на основе кровного родства и дружеских связей членов семей, их взаимного интереса и личного выбора*.

В неформальной сети как самоорганизующейся системе нет центра, т.е. единственного организующего начала, и нет единого лидера. Вместо него есть совокупность групп интересов со своими лидерами. В отличие от формальной организации, "сеть социальной поддержки" не создана искусственно для достижения конкретной цели, которая четко вербализуется и документально закрепляется. Она не имеет иерархи-

¹ Brian R. Informal Economy and Family Strategies // International Journal of Urban and Regional Research. 1994. Vol. 18. P. 6-23.

¹ Радаев В.В. Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе. Подходы к исследованию неформальной экономики // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т.Шанина. М.: Логос, 1999. С. 53.

² Рефлективное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т.Шанина, А.Никулина, В.Данилова. М.: МВШСЭН; РОССПЭН, 2002. 592 с.

ческой управленческой структуры с безличными статусами, ролями и формальными инструментами социального контроля.

В ней все персонифицировано и регулируется неформальными нормами, традициями и системой ценностей данного сообщества. Однако есть одно отличие от обычных неформальных сообществ, таких, как семейные компании или оздоровительно-развлекательные группы рыбаков, охотников, грибников, бегунов (вне формальных обществ и союзов), которое неким образом оправдывает употребление нами термина "сеть". Это отличие состоит в том, что наши сети возникают в месте пересечения, образно говоря, вертикальных линий должностного положения субъекта и горизонтальных цепочек его личной принадлежности к семейному клану, кругу друзей, общности земляков, товариществу однополчан и т.д. Они самоорганизуются на основе недостаточности формальной организации в достижении ее собственной общественно значимой цели (проще говоря, цель больницы — лечить, школы — учить, милиции — защищать, общепита — кормить), но не для дублирования формальных институтов, а для компенсации их недостатков. Такая сеть больше всего похожа на ковер, сотканный из разноцветных нитей, где узоры представляют собой сетевые маршруты по достижению дефицитных ресурсов или сервисов.

Например, когда человек говорит, что для обеспечения качественной медицинской помощи близкому ему человеку он "сделал все, что мог", часто это подразумевает не только необходимую официальную оплату работы медперсонала, но и нечто другое. Он "сумел найти самого лучшего" специалиста через знакомых, "договорился" поместить в палату с особо комфортными условиями, "достал" дефицитные лекарства и т.п. Он использовал весь свой социальный капитал, свои родственные, дружеские, должностные и прочие связи. Он платил "нужным" людям, где деньгами, где услугами, где обещаниями и обязательствами "пригодиться на всякий случай".

Он прокладывал свой сетевой маршрут к заветной цели, расплачиваясь и обмениваясь доверием и симпатией, самими услугами и предпосылками для оказания будущих услуг. Обычно маршрут таков: у его друзей есть друзья, а у тех тоже хорошие знакомые, и вот в кабинете главврача раздастся звонок и кто-то, приглашая на рыбалку или просмотр театральной премьеры, просит "помочь" хорошему человеку. Его путь был бы короче, окажись его брат или друг сотрудником этого медицинского учреждения, а лучше его руководителем. Примерно так, в точках пересечения личного и должностного возник

ает формально-неформальное пространство сетей социальной поддержки.

Индикаторы социальной сети. Феномен социальной сети поддержки довольно трудно наблюдать со стороны из-за его латентной природы. О нем неохотно говорят с посторонними из-за личной значимости связей и отношений. Эти отношения часто путают с неформальными связями организаций или семейными и дружескими связями. Тем не менее существуют некоторые индикаторы "сетевых отношений". Например, о том, что мы видим перед собой "социальную сеть", мы можем говорить тогда, когда:

— формальная роль субъекта выполняется или не выполняется под давлением его неформальной роли;

— вокруг дефицитного ресурса создается социальная напряженность, порожденная конфликтом должностного и личного, противоречием между нормами организации и традициями родства и дружбы, между официальным и обычным правом;

— предпочтение отдается неформальным путям доступа к ресурсам и привилегиям не из-за коммерческой выгоды (так возникает коррупция), а из соображений социальной полезности (когда "искусственно созданные барьеры не дают идти законным путем" или "сам закон несправедлив");

— благодарность за услуги и помощь между субъектами сетевого обмена не воспринимается в качестве "дани", как это происходит в патрон-клиентских взаимоотношениях, где клиент зависит от власти могущественного патрона и опасается санкций за нелояльность к нему¹. И тем более, это не "откат", принятый в нерегламентированных корпоративных отношениях;

— благодарность предполагает большое поле свободы выбора для способа своего проявления, и подчеркивается приоритет "моральных обязательств" над экономической или политической зависимостью от "дарителя";

— участниками сети осознается грань между обменом ресурсами и сервисами "по благу" и "по знакомству";

— логика корпоративных сетей — иметь дела только "со своими" для минимизации собственных коммерческих рисков и максимизации прибыли, уступает логике социальной сети — поддержка "своих", несмотря на риски и убытки, для максимизации социальной полезности (без-

¹ Ковалев Е.М. Взаимосвязи типа "патрон—клиент" в российской экономике // Неформальная экономика. Россия и мир... С. 128.

опасности и развития общности "своих", сохранения культурной традиции, языка и обычаев этноса и т.п.).

Что же делает это пространство стабильным и продолжительным во времени? Что скрепляет непрочные нити неформальных связей и нерегламентированных отношений? Результаты наших исследований позволяют полагать, что основным компонентом этого "клея" являются психологические механизмы неэквивалентного обмена сетевыми ресурсами, сервисами, информацией, эмоциями и симпатиями.

История с зеленым огурцом. В середине 1990-х годов в селе Даниловка Саратовской области проводилось бюджетное исследование крестьянских семей. От обычного бюджетного исследования оно отличалось тем, что было частью социологического проекта, изучающего экономическую жизнь крестьянской семьи¹, и сопровождалось интервью, в котором респондент комментировал статьи доходов и расходов семейного бюджета. В числе прочих вопросов интервью был вопрос о сравнении объема помощи между родственниками сельских и городских семей.

В бюджете одной из семей мы обнаружили значительное расхождение в объеме взаимопомощи между городской и сельской семьями. Так, в феврале месяце родной брат нашей респондентки привез из города пару килограммов свежих огурцов, конфеты — всего на сумму не более 100 руб., а увез мешок картошки, 3 л сметаны, 1 кг масла, несколько десятков яиц и прочее на сумму в несколько раз большую. Причем вопрос о справедливости такого "обмена" вызвал замешательство респондентки и объяснения, которые позволили нам выявить скрытую рациональность неэквивалентных обменов. Именно неэквивалентные обмены являются "душой" социальной сети межсемейной поддержки.

"Как это он увез в пять раз больше, чем привез? Подумаешь, картошку, яйца — это свое, не куплено. Всегда так, он чего-нибудь из города привезет, мы ему даем. А как же... Потом это еще как посмотреть, кто кому больше дает. Он (брат) вот зимой огурцы свежие привез, где бы я здесь их нашла. В городе всегда есть, где остановиться. Когда что-то надо, лекарства там или еще что, он всегда купит, привезет. Даже не в этом дело, брат все-таки. Чего я буду считать, кто кому больше дал. Мы так не делаем".

¹ "Социологическое исследование реальной экономики и политики современного села" (1995–1996 гг., руководитель проф. Теодор Шанин). Подробнее см. в кн.: Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России...

Мы видим, что первая реакция респондента — это удивление от факта, что подарки брата оказались в несколько раз меньше, чем ее дары. Затем последовала попытка рационализации в духе "экономики дара" и, наконец, возмущение бухгалтерским подходом к родственным отношениям.

"Мы так не делаем". Значит ли это, что не считают в семейных взаимоотношениях, кто кому и сколько чего дал? Тогда откуда обиды и конфликты, обоюдные жалобы родственников за недостаточную поддержку в трудные моменты жизни? Почему вдруг близкие друзья перестают общаться друг с другом? Или все-таки ведут учет, но по-другому? Из чего варится тот невидимый "клей", который соединяет скрытые от посторонних нити межсемейных отношений, с помощью которых происходят обмены материальными, информационными и психологическими ресурсами?

Иная рациональность. Неэквивалентные обмены предполагают долгосрочные отношения. В случайных и кратковременных связях, которые также неизбежно присутствуют в социальных сетях, преобладают отношения "ты мне — я тебе", где объекты обмена вполне сопоставимы. Говоря о сетевых обменах, надо отметить, что наши респонденты редко использовали понятие "оплата", чаще употребляется понятие "отблагодарить", что подчеркивает неформальный характер обмена. "Нештатная" услуга оплачивается либо деньгами по тарифу ("иногда меньше, если вся сумма идет ему в карман, иногда больше, если билетов в кассе нет, и он делится с кем-то" (отрывок из интервью с учителем, где речь идет о безбилетном проезде на поезде, Саратов, 2002 г.), либо взаимной услугой.

Причем в большинстве интервью, если речь идет о незнакомых или малознакомых людях, то "благодарность" предпочтительно оказывать в деньгах. Другой веской причиной благодарить деньгами является экстремальность ситуации и ее значимость: *"...если это, например, здоровья касается, если это такой действительно критический случай, то надо отблагодарить и лучше, конечно деньгами..."* (женщина, 44 года, 2000 г., Москва¹).

Но это не закон, а скорее пожелание, так как *"если у тебя есть, чем человеку конкретно помочь, то лучше, конечно, конкретную услугу оказать"* (Там же).

¹ Интервью записаны в ходе исследования "Сети в России", 2000–2002 гг., руководитель А.Берелович. Интервьюеры: В.Виноградский, О.Виноградская, М.Мореханова, А.Никулин, Л.Прокофьева, И.Штейнберг и др.

Неэквивалентные обмены, как правило, имеют историю отношений, когда у субъектов "обмена" не только общее настоящее, но и общее прошлое. Например, учились в одном классе, жили в одном дворе, вместе отдыхали в санатории, играли в одной команде и пр. Тогда возникает поле так называемых "нормальных отношений", под которыми подразумеваются дружеские симпатии, предполагаются "человеческие формы благодарности и признательности".

"Я думаю, что если ты с человеком когда-то и где-то связывался (в садике, в пионерском лагере, в школе), то отношения поддерживаются автоматически. Ничего не надо объяснять и убеждать. Это как бы природная, естественная дружба" (студентка, 23 года, Саратов).

"По благу" и "по знакомству". В понимании респондентов, "нормальные отношения" предполагают возможность оказания значимой услуги "за спасибо". Например, в истории решения проблемы трудоустройства с помощью друга семьи респондент подчеркивает:

«Я ему, кроме того, что сказала: "Спасибо", — и кроме наших дружеских, приятельских отношений, кроме этого, ничего и не было — денег там или отблагодарить чем-то. Именно с этим человеком, я считаю, у меня просто нормальные отношения... Потому что у нас всегда какое-то доверие, я его никогда не подводила, просто он знает, что я его никогда не подведу. А Вы сами знаете, что свои люди везде нужны, даже на предприятиях» (женщина, 44 года, 2000 г., Москва).

В последней фразе мы как раз можем увидеть одну из форм иной рациональности неэквивалентных обменов "за спасибо". Это поддержание и укрепление доверительных отношений со "своими людьми". Здесь пролегает весьма тонкая граница между оказанием услуги в сетях "по благу" и "по знакомству": *"Блат — это когда надо что-то давать, деньги или просто выгоду иметь, а знакомство — можно просто по знакомству, по нормальному отношению"* (женщина, 44 года).

Социальная сеть поддержки может использовать "блат" в неэквивалентных обменах, но существовать без "нормальных отношений" она не может.

У богатых — друзья, у бедных — родственники. Имущественное расслоение не обошло стороной социальные сети поддержки. Анализ интервью показал, что в семьях с "материальными" проблемами круг знакомых сузился, а родственные связи укрепились. В "обеспеченных" семьях процесс идет в обратном направлении, связи с родственниками ограничиваются, а с друзьями "своего круга" и "полезными людьми" расширя-

ются. Однако здесь необходимо сделать ряд уточнений. В основании этих перемен лежит селекция прежних связей по причинам не только экономическим, но и психологическим. Это не только рациональный расчет типа того, что материальная поддержка "бедных родственников" или "неприспособленных к жизни" старых друзей — дело невыгодное. Интервью показывают, что традиция бескорыстной помощи близким и друзьям никуда не исчезла. В редких случаях, когда "сядутся на шею", "нагло используют помощь не по назначению" (пропивают, например, деньги, предназначенные на покупку одежды для детей и пр.), тогда отношения прерываются.

Но чаще звучит другой мотив. Это болезненное переживание разрыва прежних статусов и ролей. За сетованием, что нет денег, чтобы "собрать праздничный стол" для своих друзей или купить подарок для старого знакомого, стоит представление, что *«"с обычным" подарком к ним не пойдешь, он уже птица другого полета. Это раньше мы с ним с одной тарелки щи хлебали»*.

Вместе с тем это иррациональные высказывания, что прежние друзья *"завидуют, даже презирают, будто я украл все это, а не сам, своим умом и горбом заработал"*, что *"могут сглазить"*, что *"не хочу ставить их в неловкое положение, мол, у меня все есть, а вы живете как..."*, чтобы не формировать комплекс неполноценности, да и общих тем для разговора, кроме воспоминаний о прошлом, как правило, становится все меньше.

Много рассуждений на тему, что мало кто умеет по-настоящему быть благодарным. Обычно считают, что раз обеспечен, то обязан делиться и т.п. Вместе с тем сами виноваты в том, что не могут себя обеспечить (ленивые, пьют, не хотят работать).

Интересным на этот счет оказались рассуждения "состоятельной дамы" о том, почему она ночью выбрасывает поношенные вещи в мусоропровод, а не отдает их родным и знакомым. Аргументы были такие: 1) могут обидеться, что свои обноски дарю; 2) им не надо, могут все себе купить; 3) чтобы отдать вещь, ее надо привести в порядок: починить, почистить и т.п.; 4) неудобно показывать, что она не хочет носить вполне "еще пригодные" вещи.

Получается, что "бедные" вещи из "бедных" семей передаются таким же "бедным" семьям без комплексов и продолжают свою жизнь в социальных сетях. "Богатые вещи" из "богатых" семей покидают "сети" своих хозяев и продолжают обезличенную жизнь в "секонд-хенде" бомжей и нищих.

"Паучок-сетевичок". Если мы полагаем, что в социальных сетях нет центра, нет единого лидера, а есть совокупность групп со своими центрами и лидерами, тогда возникают вопросы: "Что или кто является координирующей силой в сети? Кто инициирует движение ресурсов по каналам сети, кто создает возможности для взаимодействия между членами сети? Может быть, где-то внутри сети имеется организующая структура, регулирующая спонтанные обмены?"

Участники сети постоянно подчеркивают особое значение своей независимости и свободы выбора в формах ответной благодарности в сетевых взаимодействиях: *"Если он выполнил, например, для меня какую-то работу, потратил при этом свое личное время, то за это обязательно надо отблагодарить. Каким образом отблагодарить, я решаю индивидуально. Это зависит и от человека, которого благодаришь, и от услуги, которую он для меня оказывает. Это могут быть и деньги, и какой-то подарок* (женщина, 47 лет, Саратов).

Такие установки препятствуют появлению в социальной сети поддержки традиционного лидера с мобилизующими и контролирующими функциями и соответствующим авторитетом. Однако для функционирования сети необходимо, чтобы кто-то подсказал, к кому обратиться за помощью, выступил посредником, просителем, определил "размеры благодарности". И социальные сети выращивают такого координатора. Внешне он ничем не напоминает традиционного лидера-ведущего, за которым идут ведомые.

Говорят, что лидера создают амбиции. Достаточно трудно понять амбиции человека, который часто звонит и спрашивает о твоих делах, заходит в гости просто так, практически никогда не говорит о себе и своих проблемах, а если просит помочь, то кому-то, а не себе и может дать правильный совет. Он способен появиться вовремя, когда есть нужда в решении проблемы, делит ее на задачи, которые распределяет между членами сети и следит за их решением:

Интервьюер: *"А к Вам обращались как к посреднику, чтобы кому-то помочь?"*

Респондент: *"Было. Заканчивали мы вместе техникум, только с другой группы. У него сын в военное училище поступал, но не поступил. Год он промотался просто так. Мы встретились. Когда я ездил в 1999 году на встречу выпускников, то там встретился с заместителем директора (учебного хозяйства при сельскохозяйственном техникуме. — И.Ш.), с которым вместе учился. А тот не ездил, все некогда было. Я говорю: "Поехали". Мы поехали, как раз уборочные работы шли, мы его нашли. Я говорю: "Сашка, помоги. Помнишь его с первой группы, у него пацан, так и так". А он: "Я-то что, я учебное хозяйство". А жена у него*

связана, он ее подозвал, объяснил ситуацию. Она говорит, что поможет, записала данные все. Сейчас учится пацан» (мужчина, 47 лет, 2001 г., с. Даниловка, Саратовская обл.).

Интересно, что наличие такого координатора в сети редко осознается ее членами. Чаще это замечается, когда такой "сетевик" покидает сеть. Тогда можно услышать высказывания о том, что *"сейчас нас некому собрать", "когда он был с нами, мы были вместе, а сейчас сами по себе"*, можно было всегда обратиться за советом, он *"умел направить к нужным людям"* и пр.

Необязывающая взаимность. Неэквивалентные обмены в социальных сетях довольно часто предполагают оказание услуг, помощи как бы безвозмездно ("просто так"):

"Бывали у меня случаи, холодильник, например, делать. У тещи стоял 100 лет, негодный, мотор полетел. Друг у меня был в Аткарске, он и говорит: "Ищи мотор, этот негодный. Я припаяю тебе его. Найдешь в селе, может быть, морозилку пробитую". Я нашел, проверил, работает. Позвонил ему, он приехал, поставил, работает. Он просто так: все, все, в расчете... Я ему: "Сколько тебе — 100, 200?". Он: "Не надо..."» (мужчина, 47 лет, село, Саратовская обл.).

В этом примере можно заметить, что на самом деле тоже произошел обмен тем, что для его участников дороже денег. Это приятные эмоции от возможности оказаться полезным другу. Возможность общения, проявления причастности к кругу друзей, взаимной симпатии:

"Если простые просьбы — типа ремонта машины, квартиры, то лучше обратиться к друзьям. Ведь если мне будут помогать друзья, то ведь это будет и дополнительное общение, и дело будет идти быстрее. Затем сели, пиво попили" (мужчина, 1955 года рождения, Саратов).

Однако там, где требуется квалифицированная помощь, то предпочтительнее денежная форма вознаграждения:

"Услуги, которые я сам не могу выполнить, например, настроить телевизор нового поколения. 100% — ремонт телевизора или его настройка — для меня эта плата обязательна. Компьютерная техника — там тоже надо платить, поскольку ни я, ни мои друзья в этом уже не разбираются. Здесь уже нужен квалифицированный труд, а за квалифицированный труд надо платить. За качественную работу надо платить, чтобы у человека был стимул, а не стол накрывать" (Там же).

Формы обмена психологическими ресурсами. Можно выделить три формы обмена психологическими ресурсами (совет, моральная поддержка, проявление симпатии и любви) в сетях социальной поддержки:

1. Профилактика форс-мажорных обстоятельств, совет, информация, увещевание, вмешательство в ситуацию (угроза потери работы, проблемы со здоровьем, семейные проблемы).

2. Реабилитация последствий посттравмы (потеря работы, болезнь, развод и пр.).

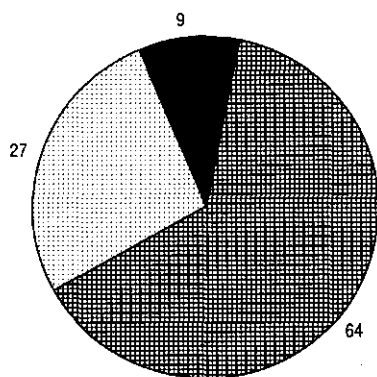
3. Мобилизация ресурсов сети для решения проблемы путем разделения ее на задачи и распределения этих задач по агентам сети.

Вместо вывода. Изучение психологических механизмов неэквивалентных обменов в сетях социальной поддержки дает возможность понять

феномен устойчивости и эффективности самоорганизующихся социальных институтов, способных поддерживать целостность сложной системы спонтанных связей и отношений без внешнего контроля. Результаты наших исследований показывают одну из возможных форм "сетевого" общества, существующего без диктата единого центра с одной сверхценной идеей. Это общество с лидерами иной природы и иных функций, которые соответствуют условиям постоянно меняющейся и усложняющейся современной социальной среды, где субъекты сами хотят распоряжаться своей жизнью.

11. КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ПОПЫТКЕ КОМИТЕТА СОЛДАТСКИХ МАТЕРЕЙ ВСТУПИТЬ В ПЕРЕГОВОРЫ С ЧЕЧЕНСКОЙ СТОРОНОЙ?

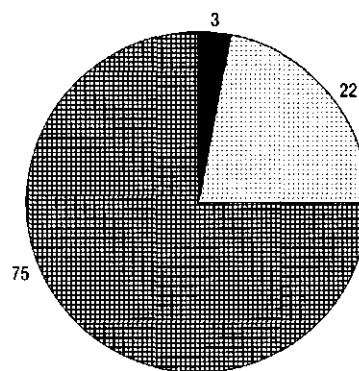
(в % от общего числа опрошенных, ноябрь 2004 г., N=1600 человек)

Одобряю
 Не одобряю
 Затрудняюсь ответить

13. В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ СООБЩЕНИЯМ РОССИЙСКИХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В ЧЕЧНЕ?

(в % от общего числа опрошенных, ноябрь 2004 г., N=1600 человек)

Доверяю
 Не доверяю
 Затрудняюсь ответить

12. КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ТЕХ ПОЛИТИКОВ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ, КОТОРЫЕ СЕЙЧАС ВЫСТУПАЮТ ЗА ПЕРЕГОВОРЫ С ЧЕЧЕНСКИМИ БОЕВИКАМИ?

(в % от общего числа опрошенных, ноябрь 2004 г., N=1600 человек)

